

В 1742 г. вышло очередное распоряжение Сената разобрать документы петровской поры. Время от времени правительство как будто спохватывалось, отдавало распоряжение привести в порядок бесценные для истории материалы, но... все оставалось по-прежнему. Бумаги неразобранными горами гнили в сырых казематах Петропавловской крепости.

И Стефан Писарев, секретарь Коллегии иностранных дел, по заданию елизаветинского правительства переводивший на русский язык итальянское сочинение аббата Катифоро о жизни русского императора, и Петр Крекшин, которого Татищев иронически назвал «баснописцем», пытались создать жизнеописание Петра I. Но их работа явно носила компилятивный, беллетристический характер. И неудивительно, что ни один из авторов, трудившихся в начале 40-х годов XVIII в. над созданием истории жизни и деятельности Петра I, не увидел своего произведения опубликованным в эти годы. Как ни упорно было желание Елизаветы иметь отечественную историографию о своем отце, она не появилась. Не случайно, что через несколько лет русская императрица обратится за помощью к Вольтеру.

В первые же годы царствования Елизавета предприняла попытки зримо увековечить память своего отца: известный актер Федор Волков работает над бюстом Петра Великого; живописный мастер Иван Вишняков получает от Сената заказ обновить старый портрет императора.

Еще в год смерти Петра I императрица Екатерина отдала распоряжение Нартову «делать триумфальный столб, на котором будут изображены его вечно достойные блаженной памяти императорского величества баталии». Но возложенного на него поручения Нартов не выполнил. В 1742 г. Шумахер, отказавший Нартову в назначении ему академического жалования и вынужденный дать Сенату объяснение такого распоряжения, обвинил Нартова в том, что «сего великого и важного дела (т. е. сооружения триумфального столба, — В. П.) не только не окончил, но и через шесть лет оно не начинал».⁵ Из доношения канцелярии Академии наук в правительствующий Сенат видно, что «триумфальный столб всем баталиям и другим славным делам Петра Великого» сооружался в 1747 г., но не был готов и в 1750 г.⁶

В 1744 г. прославленными итальянцами Растрелли и Матрелли отлита из меди конная статуя Петра. История этого памятника известна: готовый в 1744 г., заброшенный, он был поставлен на площади перед Инженерным замком при Павле I со знаменитой надписью: «Прадеду правнук».

Правительство Елизаветы Петровны публично, громкогласно обращало внимание сограждан на свою связь с петровским временем: как обычно, реальное положение дел самодержавной России не совпадало с официальным курсом царской политики.

Общезвестна превосходная характеристика эпохи преемников Петра I, данная А. С. Пушкиным: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе. (Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы)».⁷

Как ни мало было сходства между политикой царствовавшего отца и ныне царствующей дочери, основное направление государственной пропаганды было определено: Елизавета — достойная преемница своего отца.

Елизаветинское правительство не замедляло использовать уже испытанное Петром I средство общественного воздействия — публичные выступления

⁵ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. VI—VII.

⁶ Там же, примечания, стр. 41.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1958, стр. 126.